

Есть основа

Интервью с депутатом Государственной Думы РФ, председателем Подкомитета по водным и биологическим ресурсам В.В. Лунцевичем

Корр.: Валентин Васильевич, вот, наконец-то, принят Закон о рыболовстве, который все так долго ждали. На протяжении многих лет в рыбной отрасли говорили только о том, что, пока не будет Закона, работать невозможно. Теперь его приняли, но решены ли все проблемы или сделан только первый шаг?

В. Лунцевич: Когда мы принимали Закон о рыболовстве, то столкнулись с тремя моментами, которые необходимо было отразить: долгосрочность пользования, порядок наделения пользователей ресурсами, взаимоотношения предпринимателей, федеральных и региональных властей, но так как административная реформа развела некоторые функции и полномочия, нам сложно было в Законе четко прописать действия Агентства, Службы, Правительства, регионов.

Позицию закрепления ресурсов через аукцион мы уже прошли, переболели, но, на самом деле, если абстрагироваться от всего, то, конечно, аукционная форма наименее подвержена каким-то вещам, связанным с коррупцией. Аукцион есть аукцион. Однако мы всегда понимали, что аукционная форма имеет негативную сторону, т.е. продажа, например, краба дальневосточного или баренцевоморской трески, или других валютоёмких ресурсов бу-

дет большим соблазном для оправдания расходов, которые понесли компании, получив квоты через аукцион. Это противоречие не удалось до конца преодолеть, и мы пошли по пути подготовки Постановления № 704, в котором предусмотрен определенный порядок: три года компания нарабатывает историю, а дальше, исходя из среднегодового трехгодичного объема вылова каждого ресурса, выработанные показатели закреплялись за компаниями на пять лет. Это положение мы включили и в Закон, но по вновь вводимым ресурсам, безусловно, будет в дальнейшем присутствовать и аукционная форма.

Сейчас мы хотели бы при предоставлении рыбопромышленникам участков пользования внутренними водоемами включить также конкурс. Это тоже нормальная рыночная форма, которая позволяет учесть социальные условия на данной территории. Скажем, есть какой-то рыболовецкий колхоз, который в течение десятилетий пользовался выделенным рыбопромысловым участком, сформировал определенную микроструктуру, но сегодня испытывает достаточные трудности с финансированием, потому что, как правило, все береговые поселки на Дальнем Востоке и на Севере у нас в загоне. Если сейчас его выставить на аукцион, то, я думаю, что эту чисто денежную войну колхоз проиграет. А дальше ситуация будет выглядеть следующим образом: вы купили квоту у рыбколхоза, приходите к председателю и говорите: «Вот у меня квота, работой у меня, пожалуйста, по найму или у меня есть свои корабли, а вы все свободны». Это влечет, как правило, негативные социальные последствия для небольших населенных пунктов, поэтому в Законе о прибрежном рыболовстве я буду жестко отстаивать конкурсную позицию. То есть мы прописали торги, а торги предполагают и аукционную, и конкурсную формы. Над этим мы сейчас работаем в Госдуме.

Корр.: Какие практические вещи могут извлечь рыбаки из Закона о рыболовстве?

В. Лунцевич: Во-первых, и это самое главное, все должны четко понимать, что приоритет отдается тем компаниям, которые работают прозрачно, не нарушая законодательство, так как в Законе четко оговорено, что 2–3 серьезных нарушения, которые будут доказаны через суд, ведут к потере лицензий и квот. Поэтому я бы не рекомендовал рисковать тем компаниям, которые хотят долго и успешно работать в этом бизнесе.

Второй момент. Сегодня российское законодательство допускает подписание соглашений между министерством и правительством области, между правительством области и Правительством России по самым различным вопросам управления природными ресурсами и собственностью в первую очередь. Мне кажется, что Закон и действующее законодательство дают возможность в системе развития прибрежного рыболовства и рыбопереработки пойти по пути заключения таких договоров и соглашений с передачей части федеральных полномочий органам на местах.

Корр.: Скажите, а что все-таки не вошло в Закон, несмотря на многочисленные предложения и споры?

В. Лунцевич: Прежде всего – неучтенные ресурсы, которые вывозятся за границу и являются дополнительными доходами для рыбодобытчиков. Например, рыбодобывающие предприятия не заинтересованы, исходя из конъюнктуры цен на мировом рынке, сдавать рыбу-сырец в России, но в то же время стояли и стоят свои рыбоперерабатывающие мощности, потому что экономически невыгодно везти рыбу в свою страну. Но нужно понимать, что интерес, скажем, рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих предприятий в нашей стране свести сложно. И я считаю, что государство здесь должно вмешаться и принять такую схему, при которой будет выгодно и добывать рыбу, и перерабатывать. Должен признать, что окончательно преодолеть эти противоречия и четко прописать нормы в Законе, которые бы соединяли добычу, переработку и дальнейшую реализацию, нам не удалось из-за российской бюрократии плюс негатив, который существует в портах и в стране в целом.

Вторая составляющая – вопросы охраны и научных исследований. Мы сознательно упустили в этом Законе вопросы охраны биоресурсов, научных исследований, рыбной переработки, оборота рыбы-сырца, которые требуют регулирования. Мы сделали это, потому что опыт работы над Законом и его прохождение убедили меня, например, в том, что присутствует слишком много интересов различных ведомств, различных людей, поэтому и возникали сплошные противоречия.

Понятно, что сегодня ведомство, которое охраняет, и ведомство, которое дает разрешение, находятся в противоречии. Как это говорится по-русски: «Что охраняю, то и имею». Таких случаев очень много, это очевидно, поэтому я и говорю об этом.

Такой же характер присущ и противоречиям между федеральным Центром и субъектами. Субъекты – приморские регионы – всегда претендовали на определенное лобби в управлении ресурсами. Тоже по принципу: «Я имею, я распределяю, я управляю». Федеральный Центр считает точно так же, поэтому, конечно, было очень сложно согласовать и прописать управление биоресурсами как действующие нормы. Поэтому мы пошли, может быть, более легким путем и получили критику от своих оппонентов, что Закон не полный.

Корр.: *Следовательно, признавая, что Закон о рыболовстве требует дополнительных законодательных норм, подкомитет, который Вы возглавляете, продолжает работать и готовит очередные законы. Что в первую очередь предполагается обсудить?*

В. Лунцевич: Исходя из принятого Закона, мы увидели, что нужно еще принимать и как поступать сейчас.

По Закону о прибрежном рыболовстве мы хотим предложить развитие в особо отдаленных районах фермерских хозяйств. С уходом военных в местах, где с советских времен существуют базы с ограниченными зонами; например, в Мурманской области развиваются многочисленные мелкие компании, которые занимаются рыбо- и крабодобычей и переработкой. Там нужно развивать инфраструктуру, закрытые территориальные образования. То же самое на Сахалине, Курилах, на всем побережье Дальнего Востока.

Готово несколько законопроектов по прибрежному рыболовству, в которых выдвигаются разные идеи по управлению. Я считаю, что надо постепенно, начиная с 50 процентов ресурсно-экономической зоны, предлагать российским рыбакам работать по определенной схеме.

Скажем, компания работает в 200-мильной зоне России, ее судно набрало груз – 200 т трески или 2000 т минтая. Понятно, что ежедневно шла информация о вылове и находящихся на борту судна объемах. Примерно за неделю до окончания рейса судовладелец объявляет через систему электронных торгов (надо создавать электронную биржу, которую предлагал ФГУП «Национальные рыбные ресурсы»), что у него груз такой-то, размерность такая-то, цена не ниже сложившейся на рынке. Владелец одной из российских фабрик по переработке изъявляет готовность купить этот груз. Сделка состоялась, и судно должно идти по месту назначения, т.е. приоритет должен быть у покупателей нашей страны. Но если ник-

то в России не изъявил желания приобрести товар, а какая-то зарубежная компания заявила о готовности принять его через систему электронных торгов, то владелец судна может сделать свой выбор и продавать в любой другой стране. Таким образом, 75, а может быть, и 100 % водных биоресурсов российской экономической зоны должны предлагаться на рынок. Я хочу подчеркнуть свою мысль, так как многие уже стали полемизировать со мной, что якобы Лунцевич хочет административным порядком заставить привозить рыбу во Владивосток, а не напрямую в Корею или Японию, даже если покупателя нет и рыбаку это невыгодно. Я хочу, чтобы в Законе было четко прописано, что предложение – это рыночный механизм, но оно должно быть сделано в заявительном порядке, и попробуйте это не исполнить!

Роль государства – контролировать процессы и взаимоотношения, а не вмешиваться и указывать, куда везти улов компании. И если этот процесс заложить в Законопроект, он станет прозрачным даже для налоговиков, которые будут пользоваться базой данных, где будут отражены количество улова, цена, по которой рыба приобретена на переработку; соответственно, в состав затрат по переработке включена цена покупки. Это более прозрачная и понятная экономика. Рыбакам можно помогать тогда, когда цены отрегулированы. В этом состоит роль государства, а не во вмешательстве в процесс ловли, так как рыбаку отдано право на пять лет добывать, реализовывать, платить налоги, одним словом, работать, соблюдая правила.

Второй проект, над которым мы работаем, – Закон об обороте рыбы-сырца. У нас есть проект Закона об обороте ценных пород рыб, в первую очередь осетровых. Закон достаточно куцый, но нужный, так как икру и ценные породы рыб необходимо контролировать.

На заседании подкомитета мы обсуждали более широкое понятие об обороте рыбы-сырца – по типу норвежского закона, который я внимательно изучил. В нем изложена нормальная форма регулирования, которая позволяет учесть интересы рыбодобычи. До 75 % ресурсов экономической зоны Норвегии предоставляется компаниям, имеющим суда без морозильных установок и рыбофабрик. Это означает, что они из экономзоны должны доставлять сырье к себе на фабрики, а дальше продавать через сеть государственных сбытовых кооперативов. Цена, ниже которой эту рыбу сдать нельзя, регулирует-

ся. Выше – пожалуйста, но это уже конкуренция. Остальные 25 % предоставляют сейнерам с морозильными установками, которые могут рыбу перерабатывать и вывозить в любую точку: в Данию, Англию, любую другую страну Европы.

Вот некую аналогию я хочу предложить в Закон об обороте рыбы-сырца, включив туда и раздел об обороте ценных пород рыб, потому что на Каспии существуют очень большие проблемы с осетровыми.

Я думаю, что правильным будет алгоритм работы: добыча – переработка сырца и прибрежка – дальнейшее развитие инфраструктуры, которая необходима в стране.

Корр.: *Валентин Васильевич, вы уже говорили, что в Закон о рыболовстве не вошли вопросы научно-исследовательских разработок. Насколько известно, сейчас в институтах большие трудности с финансированием, да и вообще не совсем понятна дальнейшая судьба науки в рыбной отрасли. Что же ждет ученых?*

В. Лунцевич: Сейчас есть много различных идей вплоть до приватизации исследовательских институтов. Я считаю, что это неправильный подход. Может быть, нужно поменять структуру управления институтов. Скажем, есть головной институт ВНИРО, а другие: Калининградский, Мурманский, Дальневосточные – могут работать как филиалы. Но это должна быть единая цепь изучения и охраны водных биологических ресурсов, иначе мы рискуем потерять то, что имеем сегодня. Соблазн приватизировать институты большой, но совершенно не рыбный. Коекому понравились здания институтов, которые находятся, как правило, в удобных местах. Отсюда попытки отдельных людей продвигать подобные идеи, но я категорически буду выступать против этого на всех уровнях, используя все свои возможности.

Корр.: *Какие еще направления рыбной отрасли будут рассматриваться в законодательном органе?*

В. Лунцевич: Целый комплекс проблем представляет работа служб, портов, судововерфей. Все эти вопросы в дальнейшем надо обязательно проработать, положить их как нормы закона и дать, возможно, людям инструмент для построения нормальных взаимоотношений. Я думаю, что нужно информировать людей, которые собираются строить свой бизнес в рыбной отрасли, что это будет так, а не иначе, чтобы они знали, на что рассчитывать.